Павел Бажов

Широкое плечо

Раньше по нашему заводу обычай держался, - праздничным делом стенка на стенку ходили. По всем концам этим тешились, и так подгоняли, чтоб остальным поглядеть было можно. Сегодня, скажем, в одном конце бьются, завтра - в другом, послезавтра - в третьем.
Иные теперь это за старую дурость считают, - от малого, дескать, понятия да со скуки колотили друг дружку. Может, оно и так, да ведь не осудишь человека, что он неграмотным родился и никто ему грамоты не показал. Забавлялись, как умели. И то сказать, это не драка была, а бой по правилам. К нему спозаранок подготовку делали. На том месте, где бойцам сходиться, боевую черту проводили, а от нее шагов так на двадцать, а когда и больше, прогоняли по ту и другую сторону потылье - тоже черты, до которых считалось поле. За победу признавали, когда одна сторона вытеснит другую за потылье, чтоб ни одного человека на ногах в поле не осталось. Со счетом тоже строго велось. Правило было:
- Выбирай из своего околодка бойцов, каких тебе любо, а за счет не выскакивай! Сотня на сотню, полсотни на полсотню.
Насчет закладок, то есть в руке какую тяжесть зажать, говорить не приходится. Убьют, коли такой случай окажется, и башлыка, который за начальника стенки ходил, не пощадят. Недаром перед началом боя каждый башлык говорит:
- А ну, молодцы, перекрестись, что в кулаке обману нет!
Бились концами, кто где живет, а не то что подбирались по работе либо еще как. Ну, подмена допускалась. Приедет, к примеру сказать, к кому брат либо какой сродственник из другого места, и можно этого приезжего вместо себя поставить. Таких, бывало, братцев да сродничков понавезут, что диву даешься, откуда этаких молодцов откопали.
Все, понятно, знали, что это подстава. Порой и то сказывали, за сколько бойца купили, а все-таки будто этого не замечали. На то своя причина была. Своих бойцов не то что в каждом конце, а и по всему заводу знали, - кто чего в бою стоит. Если одни-то сойдутся, так наперед угадать можно, чем бой кончится, а с этими приезжими дело втемную выходило, потому - никто не знал их силы и повадки. Недолюбливали этих купленных бойцов, норовили покрепче памятку оставить, а отвергать не отвергали и к тому не вязались, кто они: точно ли в родстве, али вовсе со стороны. За одним следили, чтоб подмены было не больше одного на десяток, а в остальном без препятствий.
Те, кто приходил поглядеть, заклады меж собой ставили на этих приезжих бойцов, а когда и на всю артель. Заклады, может, в копейках считались, зато азарту на рубли было. Такие закладчики - будь спокоен - не хуже доброго судьи за порядком следили, чтоб никакой фальши либо неустойки не случилось.
Так и велось по заводу. Ни про один бой нельзя вперед угадать, чем он кончится. Только в одном месте уж сколько годов по-одинаковому шло. Многие из заводских на этот конец рукой махнули.
- Глядеть тошно! Всякий год ямщина да прасолы мастеровщину сразу с копыльев сшибают.
Тут, видишь, что получилось.
Недалеко от механической фабрики, за рекой, жило много слесарей да токарей. Известно, всяк старается поближе к работе поселиться. Так и называлось это место - слесарский конец.
Против него, на другом берегу, приходился ямской. Там две больших гоньбы содержалось от разных подрядчиков. Там же хлебные лавки стояли да сколько-то постоялых дворов. В ямщики народ дюжий подбирался, а в молодцы при хлебных лавках и того крепче, чтоб с пятипудовыми мешками играючи обходились. Дворничать на постоялых дворах тоже слабых не брали. Мало ли какой случай выйдет, так чтоб мог дворник неспокойного постояльца и за ворота выставить. Да и купцы тамошние и подрядчики из таких были, что не прочь самолично в ряду с бойцами выйти.
Про подмену и говорить нечего. При надобности тут половина на половину ставь, скажи только,

что это новые ямщики либо приказчики.
Ну, а в слесарях, как говорится, святых не бывало, и богатырей не ищи. Ежели он с малолетства в копоть фабричную попал, так румянцу-то у него разыграться не от чего. У которого щеки покраснели, так не от солнышка либо морозу, а от мелкой железной сечки. Впилась она, - не выскребешь. Конечно, этот народ сноровку имеет и к удару привычен, только против ямского конца все-таки никак выстоять не может. Разойтись не успеют, как их за потылье выбросят.
Нашим заводским обидно было, что ямщина да лабазники этак с мастеровыми обходятся. Подсобить хотели. Не раз подставу слесарям давали, а конец тот же: живехонько стенку собьют и за потылье выжмут да еще стоят, похваляются:
- Видим ваши хитрости! Только нам это нипочем. Хоть всех самолучших бойцов с завода поставьте, а быть вам битыми!
До того дошло, что хоть от бою отказывайся. Опять же перед народом зазорно, а молодым пуще того неохота неустойку перед женским полом показать. Побитый, дескать, худо, а который струсил, тот вовсе никуда. Они, эти девки-бабы, хоть на бойцов заклады не ставили, а большую силу в этом деле имели. Иной, может, потому только и выходил в стенке, чтоб перед девками себя не уронить.
В слесарском конце в числе других был Федя Ножовый Обух. Его в солдаты не приняли. Ростом не вышел. На ножовый обух не дотянул до самой низкой мерки. По этой причине ему и кличка такая была. А силой против других не обижен. На покосах его с литовкой в голове пускали. Начнет помахивать, так, знай, держись да пошевеливайся, чтоб не больно далеко отстать. С малых годов Федя в механической работал, да в рекрутчину-то согрубил тамошнему надзирателю, - Федю потом и не приняли да еще посмеялись:
- Раз в солдаты не вышел, так нам такого тоже держать не с руки.
С той поры Федя и перебивался, как придется. Ведра да замки починял, кровельной работой не брезговал, когда старателям насос направит. Одним словом, что под руку попадет. Хорошо еще, что одиночкой жил. Кормился все-таки с грехом пополам и в одежде себя соблюдал. Щеголевато даже ходил, - не желал механическому начальству скудость свою показать. Без вас, дескать, проживу, плакаться не стану.
К концовским боям этот Ножовый Обух с молодых годов азарт имел. Сперва-то его башлыки отстраняли.
- Не путался бы ты, Федя, под ногами! Раз ростом не вышел, так тебе это дело несподручно. Там вон какие мужики выходят. Тебе, поди, скоком не дотянуться, чтоб по-доброму стукнуть!
Федя все-таки правдами-неправдами добьется своего - попадет в бойцовскую ватагу. По времени увидели, что боец он не хуже других, а порой его последним с поля выпирают. Да еще одна особина. Другие, как из боя выйдут, - сразу это заметишь, а этот будто и не бывал: не растрепался, не завздыхался, без синяков и шишек. Каким пошел, таким и вышел, даже поясок поправлять не надо. Одна заметка, - ворчит:
- Все из-за наших богатырей-то! Они себе тешатся, кровь из носу добывают да синяками на месяц запасаются, а на стенку не оглянутся. Какое это дело! Говорю, широким плечом надо!
В ямском конце тоже давно Федюху приметили и всяко измывались над ним. Как выйдут на поле, первым делом начинают про него выкрикивать:
- Эй, чернотропы, вы бы Федьку башлыком поставили! Ему ловко. При малом-то росте на кулак не попадет. Вроде мухи. С таким наверняка поле бы взяли. Попытайте!
Федюне эти разговоры про малый рост не больно сладко слушать. С малых лет это надоело, а тут еще, как на грех, в ямском конце у него зазноба завелась. Феней звали. Девка, видать, не его судьбы: от парня нос воротила, а сама на тамошнего самолучшего бойца глаза пялила. В ту пору у

ямщиков на славе был Кирша Глушило. Мужик писаный, а вместо кулаков у него пудовые гири. Попадешь под такую руку - не встанешь. Счастье еще, что Кирша не больно развертной был.
С этим вот Глушилом Ножовый Обух как-то и сошлись. Сперва они в разных местах были. Кирша в самой середке своего ряда, а Федюня ближе к правому краю. Потом, как стенка разбилась, он и подскочил к Глушилу. Тот по своему бычьему норову только промычал:
- Поминай родителей!
Махнул своим пудовым кулаком, а Федюня увернулся да раз-раз и насыпал Глушилу поперек ходовой жилы на правой руке, как гвозди забил. Кирша и руки поднять не может, как плеть повисла. Тут он разозлился, взял да и пнул ногой. Федюня опять увернулся, Кирша и плюхнулся во всю спину, а Федюня тут как тут, хлоп тыльником руки по носу, а сам приговаривает:
- Лежачего не бьют, а который пинается, тому памятку дают!
Все, кто пришел поглядеть, в один голос закричали:
- Правильно! Так ему и надо! Вперед не лягайся, коли на кулачный бой пришел.
Ямщина слышит, о чем кричат, а помалкивает, потому - неустойка на виду. Не закроешь ее: боец ногой обороняться стал. А Федя той порой на лабазника насел. Тоже задавалко был не последний: все я да я. Федюня и сделал ему оборот: сперва по руке, потом под чушку, - лежи, пока не опамятуешься!
Ямщина в тот раз все-таки поле унесла, только с конфузом: самолучший их боец пришел домой, как кровью умытый, а купчину того по его нежности пришлось на носилках выносить. С той поры он и думать забыл, чтоб в бойцовском ряду покрасоваться. Понятно, - человек при капитале, - испужался: вдруг ненароком вовсе оглушат. Злобу на Федю затаил. Нашел какого-то нового бойца, пострашней Кирши, и наказал ему:
- За одним гляди, - где Федька. Ты мне эту мокреть разотри, чтоб глаза мои больше ее на поле не видели.
Купленный - он купленный и есть.
- Не беспокойся, - говорит, - ваше степенство. Видел я этого мужичонка. Будь благонадежен, долбану кулаком, - больше на поле не сунется. Как бы до смерти не захлестнуть, а то отвечать придется.
- Бей, - кричит, - в мою голову. Руку не сдерживай, а то он живучий. В случае отстою, никаких денег не пожалею.
По заводскому положению всякое дело не больно прикрыто. Феде эти купецкие речи передали, а он только посмеялся:
- Не поглянулось, видно, ему. Пусть вперед знает, что в бою ему кланяться не станут. Не пуд муки пришли в долг просить.
У слесарей опять свой разговор вышел. Потолковали, потолковали меж собой, да и объявили:
- Вот что, Федор. Придумали мы выбрать тебя башлыком на предбудущее время. Боец ты надежный. Может, и вожак из тебя дельный выйдет. А что малорослый, так в том беды нет. Не ростом города берут.
Федюня отнекиваться да канителиться не стал.
- Почему, - говорит, - не попытать. Хуже того, что у нас есть, быть не может, а лучше пойдет - всем радость. Только, чур, уговор на берегу. Раз выбрали, - слушаться меня в бою, как на войне либо в заводе. Что велено, то и делай, а про то забудь, чтоб перед другими покрасоваться, себя показать. Наше дело мастеровое. Нам не тройки на скаку останавливать. Наша сила в том, чтоб в одну точку бить, широким плечом поворачивать.
После этого случая, как Федя Киршу да купца сбил, по народу разговор пошел:
- Самый раз зареченским слесарям подсобить. Дать им подставу покрепче, так они, может, ямщину

и купчишек пересилят.
Сказали об этом новому башлыку, а он наотрез:
- Чужим, - говорит, - хлебом век не проживешь, за чужую спину не спрячешься. Пусть купцы себе бойцов покупают, а нам это не подходит.
Его, понятно, уговаривают:
- Чудак ты! Разве такое сравнить можно. Мы, поди-ко, не за деньги да и не чужие, а свой брат мастеровой.
- Понимаю, - отвечает. - Случись мастеровым против кого другого стоять, сам бы пошел и тут спорить бы не стал, а при концовских боях этого нельзя. Кто где живет, за то место и стоять должен!
На прощанье еще пообещал:
- Да вы не беспокойтесь. Мы этих быков одолеем. Не на этот раз, так на следующий. Нам главнее силу свою понять да рабочую сноровку в ход пустить. Без фальши одолеем.
Те, кто приходил, все-таки это за обиду приняли.
- Задаваться Ножовый Обух стал. Свалил Киршу да купца и думает, - сильней его нет. Поглядим вот, как весной башлычить будет. Долго ли своих на поле удержит.
От всех этих разговоров большое любопытство родилось, как в самом деле этот концовский бой пройдет. Со всего заводу народ сбежался поглядеть. Зимами у них боевая черта была по самой середине реки, а по вешнему времени бились на Покатом логу. Место обширное, а на этот раз и тут тесно стало. Пришлось оцепить поле, чтоб помехи не случилось.
Вот вышли бойцы. Полсотня на полсотню.
С ямской стороны народ на подбор: рослые да здоровенные. Башлык у них из лабазников. В пожилых годах, а боец хоть куда, смолоду от этого не отставал. Неподалеку от него, справа и слева, два саженных дяди: Кирша Глушило да этот новокупленный-то. Забыл его прозванье. Оба Федюню глазами зорят, - где он? Глушило, конечно, желает за прошлый раз рассчитаться, а новокупленному надо хозяйские рубли оправдать. И одеты на ямской стороне по-богатому. Этот купец, которого Федюня сшиб, раскошелился: всякому бойцу велел сшить новую рубаху, плисовые шаровары да пояс выдать пофасонистее. Рубахи, понятно, разные: кому зеленая, кому красная, кому жаркого цвету. Пестренько вышло. Поглядеть любо.
Слесарская стенка куда жиже. Там, конечно, тоже кто повыше, кто пониже, только все народ худощавый, тощой и с лица как задымленный. Одежонка хоть праздничная, а без видимости. Рубахи больше немаркого цвету, поясья кожаные. И башлычок у них - Ножовый Обух - за малым ростом в солдаты не приняли. Ямщина да прасолы над этим башлыком зубы скалят, всякие обидные слова придумывают, он, знай, свое ведет. Расставил бойцов, как ему лучше показалось, и наказывает, особенно тем, кои раньше в корню ходили и за самых надежных слыли.
- Гляди, без баловства у меня. Нам без надобности, коли ты с каким Гришкой-Мишкой на потеху девкам да закладчикам станешь силой меряться. Нам надо, чтоб всем заодно, широким плечом. Действуй, как сказано. Голову оберегай, руку посвободнее держи, чтоб маленько пружинила, а сам бей с плеча напересек ходовой жилы в правую руку. Который обезручеет, хлещи с локтя ребром под самую чушку. Свалишь - не свалишь, а больше об этом подбитом не беспокойся. Он как очумелый станет и ежели еще руками машет, так силы в них, как в собачьем хвосте. Ты на него и не гляди, а пособляй соседу справа. Кто приучился левой бить не хуже правой, тот этим пользуйся. При случае ловко выходит. Особо, когда надо чушку рубить. А главное помни, - не одиночный бой, не борьба, а стенка. Не о себе думай, о широком плече!
Сделал этак наказ напоследок и встал крайним с левой стороны. С ямского конца закричали:
- Куда вы свою муху прячете? Почему башлык не в середке?

Федя отвечает:
- Нет такого правила, чтоб башлыку место указывать.
В народе тоже закричали:
- О чем разговор? Где захотел, там и встал. На то он и башлык. При бое волен и с места на место перебегать.. Законно дело. Чем о пустом спорить, давай зачин. Не до обеда вас ждать.
Ямскому концу это не по губе, потому как они подстроили, чтоб Федя оказался против самых что ни есть крепких бойцов и никуда выскользнуть не мог. Все-таки при народе, видно, постыдились местами меняться. Ну, вышли обе стороны на свои потылья, покрестились, каждый руку поднял, показал: нет никакой закладки, - стали сходиться. Федюня, конечно, не без хитрости себе место выбрал. Против него пришелся прасол один. Мужик могутный, только грузный и неувертливый. Пока он замахивался, Федя его левой рукой под чушку и срубил, да так, что он глаза закатил и дыханье потерял. Федя между тем у следующего руку пересек, а его сосед тем же манером это дальше передал. Глядишь, трех бойцов и нестало: один на земле лежит, очухаться не может, два хоть на ногах, да обезручены. Тут Федя видит, - стенка прогнулась, двоих уж там оглушили, кинулся туда, с налету сбил тамошнего башлыка, да и сам под кулак приезжему-то попал. Ну, не больно крепко, потому этому идолу до того успели насадить на руке зарубок, сила-то и была на исходе. Вскоре его и вовсе повалили. Кирше на этот раз вовсе не посчастливило. То ли оступился, то ли промахнулся, только его сразу начисто укомплектовали: не боец стал, а туша под ногами. Так поворот и вышел. Выбили тогда ямщину да прасолов с поля. Человек с пяток пришлось им лежачими подобрать. Купчишко, который обряжал бойцов, чуть со злости не уморился.
- Не допущу, - кричит, - чтоб такое еще когда случилось!
А на деле наоборот вышло. Всякий раз слесаря стали ямщину выбивать. Чего только те не делали. Подставу без стыда до половины довели, башлыков сколько раз меняли, повадку эту, чтоб по руке-то бить переняли, а все не действует. И то сказать, повадку, перехватить недолго, да привычку нескоро добудешь, а он, слесарь, по всяк день молотком играет. Хоть с локтя, хоть с плеча без промаху бьет. На то и слесарь. К Федюне тоже подсыл делали:
- Переезжай в наш конец. Избу тебе поставим за мое почтенье. Живи барином, а у нас в боях башлыком будешь.
Федя на это и говорит:
- Ежели бы мне такую подлость сделать, перевертышем стать, так все едино толку бы не вышло. По другим концам не угадаешь, кто кого одолеет, а у нас дело открытое. Раньше вы наших били, потому мы вашим же обычаем шли, а теперь пошли по-своему, - широким плечом, и быть вам завсегда битыми. Никакой башлык не поможет.
- Что, - спрашивают, - за плечо такое? Чем расхвастался?
- А это, - отвечает, - по вашему разумению и не втолкуешь. Народ вы одиночный: кто на козлах, кто при своей лавке либо постоялом сидит, а широкое плечо тому вразумительно, который с другими сообща в работе идет.
Фенька тоже крючочки закидывать стала. Дескать, Федя да Феня как нарошно придумано, чтоб в одной избе жить, в одной упряжке ходить. Только Федя к той поре одумался.
- Нет, - говорит, - девушка, не сойдется дело, потому - в разные стороны глядим. Ищи себе кочета с богатым пером, а я свою долю в другом месте поищу.
И верно, вскорости женился, да и другая перемена у него в житье случилась. Старатели, коим он иной раз насос направлял, смекнули: подходящий мужик, ежели его вожаком пустить. Стали зазывать:
- Переходи к нам в долю.
Феде этак-то лучше показалось, чем по мелочам перебиваться, он и перешел. И что ты думаешь?

Загремела ведь артель. Сроду у нас по заводу такой не бывало. Башлычить в боях Федя с годами перестал.
- Седых-то, - говорит, - башлыков дураками зовут. Пускай молодые тешатся, а мы полюбуемся, как мастеровой народ широким плечом орудует. Ни силой, ни казной его не удержишь, все сшибет!
Из артели Федя до конца жизни не ушел. В почете его там держали. Когда, к разговору случится, похвалят артель, старик говаривал:
- Живем, не жалуемся, а все потому, что хоть малой артелью, да одним плечом на дело навалились.
Когда еще добавит:
- Конечно, ни у кого желанья нет хозяйский карман набивать. А не будь-ка этого да навалиться широким плечом по всему заводу! А? Заиграло бы дело! Через год-другой родного места не узнать бы.
И сам зажмурится, как от солнышка.
Теперь вот видно стало, что старый башлык не зря про широкое плечо говорил. На глазах у нас оно разворачивается. Давно ли мы радовались именитым людям заводов и рудников, а теперь именитые цехи да участки, звенья да смены пошли. С каждым годом растет и крепнет широкое рабочее плечо, и нет силы, чтоб против него выстоять.
Сколько ни пыжатся разные толстосумы, а сомнет их широкое плечо людей труда. Сомнет, что и памяти не останется.